

Чэн Фэнтай только что выиграл две партии в карты, когда к нему подошел начальник департамента полиции Чжоу с сигаретой в зубах:

— Оказывается, господин Шан здесь сидит. Я вас искал.

Говоря это, он бросил взгляд на Чэн Фэнтая, который занимал лицедея, но Чэн Фэнтай сделал вид, что ничего не замечает. Шан Сижуй хотел встать, чтобы уступить место начальнику Чжоу, но тот остановил его, и рука его естественным образом легла на плечо Шан Сижую, не собираясь убираться. Чэн Фэнтай боковым взглядом наблюдал за этой скрытой игрой, его выражение лица было полным пренебрежения, но начальник Чжоу тоже сделал вид, что ничего не видит. Начальник Чжоу, будучи местным авторитетом более десяти лет, теперь постоянно сталкивался с давлением со стороны командующего Цао, и их отношения становились все более напряженными. К шурина командующего он, естественно, относился без особого уважения.

— Тот негодяй, который недавно сорвал ваше выступление, получил по заслугам. Я приказал его проучить, и он до сих пор сидит в камере. Планирую держать его там, пока вы не успокоитесь. Как вам такое?

Начальник Чжоу слегка надавил пальцами на плечо Шан Сижую. Тот, казалось, ничего не замечал, его лицо оставалось спокойным, и он лишь воскликнул:

— На самом деле, это не так уж важно. Мы, актеры, привыкли к разным ситуациям — отпустите его, пожалуйста!

— Как это не важно? Говорят, когда его привезли, он был весь в крови! Нельзя так оставлять!

Шан Сижуй улыбнулся:

— Тем более, зачем держать в заключении того, кого уже избили?

Начальник Чжоу, уставившись на макушку Чэн Фэнтая, холодно сказал:

— В любом случае, кого-то надо посадить. Того, кто избил, мы посадить не можем, так что остается посадить того, кого избили.

Чэн Фэнтай спокойно взял карту, делая вид, что ничего не слышит, но в душе думал, что репутация Шан Сижую, вероятно, страдает именно из-за таких ситуаций. Слишком много людей защищают его и возвеличивают, и любое малейшее оскорбление превращается в повод для раздувания скандала. Но в будущем, если это станет известно, люди, скорее всего, обвинят самого Шан Сижую в том, что он не терпит критики и злоупотребляет своим положением. Быть звездой сцены — непростое дело.

Шан Сижуй не стал спорить с начальником Чжоу и молча сидел, пока тот не ушел. Присутствующие в основном знали о недавнем инциденте, когда на Шан Сижую вылили кипяток, но не решались упоминать это в лицо, чтобы не смущать его. Фань Лянь, зная его добродушный характер, решил пошутить:

— Жуй-гэ, в чем на этот раз было дело? Проблемы с мелодией? Или текст подкачал?

Шан Сижуй задумался:

— Мелодия точно была в порядке, вы же слышали. Наверное, все-таки текст...

— Кто писал текст?

Шан Сижуй медленно ответил:

— А, это... я сам написал...

Фань Лянь чуть не подавился:

— Почему вы не использовали текст Лэй Сяохая или других?

— Они не так хороши, как Ду Ци.

Фань Лянь подумал, что даже если они не идеальны, они все равно лучше, чем сам Шан Сижуй. Этот Шан Сижуй, который едва мог прочесть несколько иероглифов, как он мог править текст? Его облили кипятком, и это еще мягко сказалось, могли бы и кислотой плеснуть. В глазах поклонников оперы, «театр» был чем-то священным и возвышенным!

— Я помню, когда вы только приехали в Бэйпин, вы с Нин Цзюланом играли в «Цветок императорской дочери», текст был написан Ду Ци, и он был прекрасен. Я до сих пор могу вспомнить несколько строк.

Кто-то из присутствующих спросил:

— Я никогда не слышал об этой пьесе.

Фань Лянь пояснил:

— Это была постановка Шан Сижую и Нин Цзюлана, которую они сыграли только один раз в резиденции князя Ци.

Затем он обратился к Шан Сижую:

— Жуй-гэ, почему бы вам снова не пригласить Ду Ци, чтобы текст был безупречным?

Кто-то спросил:

— Кто такой этот Ду Ци? Он настолько велик?

Все начали смеяться над тем, что он не знает Ду Ци. Чэн Фэнтай, слушая все это, подумал, что

он тоже не знает, кто такой Ду Ци, и почему незнание его имени считается чуть ли не преступлением. Он спросил Фань Ляня:

— Кто это вообще?

Фань Лянь объяснил:

— Ду Ци — это личность. Племянник Ду Минъуна, который когда-то по указу вдовствующей императрицы Цыси писал тексты для труппы Наньфу. Его пьеса «Фэньюэгуань» из двадцати восьми актов была написана за один вечер, и она так понравилась императрице, что она сравнила его с самим Гуань Ханьцином! Ду Ци — это племянник Ду Минъуна, которому он передал все свои знания. Ну как, теперь понятно, насколько он велик? Жуй-гэ, я тоже давно не видел седьмого господина.

Шан Сижуй, склонив голову, слушал, и даже он, близкий друг Ду Ци, не знал всех этих подробностей:

— Ду Ци влюбился в одну актрису и уехал за ней во Францию.

Эти слова вызвали всеобщий интерес.

— Что за глупость! Его семья точно не одобрит!

— Когда это произошло? Мы ничего не знали!

— Кто эта девушка? Зачем актрисе ехать во Францию?

Кто-то из присутствующих толкнул Шан Сижую, торопя его рассказать подробности, и тот, потеряв равновесие, оперся на Чэн Фэнтай. Чэн Фэнтай почувствовал холодный аромат красной сливы, исходящий от его одежды, и улыбнулся.

— Однажды Ду Ци пришел ко мне утром и сказал, что вдруг понял, как прекрасен звук скрипки, и хочет поехать во Францию, чтобы научиться играть на ней... Больше я ничего не знаю.

Присутствующие начали гадать, когда в Бэйпине появилась актриса с таким красивым голосом, как «Фань Алин». Чэн Фэнтай первым сообразил, с трудом сдерживая смех, и сказал Шан Сижую английское слово, спросив его:

— Не это ли искал Ду Ци?

Шан Сижуй кивнул:

— Да.

Тогда Фань Лянь рассмеялся, и все модные молодые люди вокруг тоже засмеялись. Шан Сижуй понял, что сказал что-то не то, и покраснел, тихо спросив Чэн Фэнтая:

— Над чем вы смеетесь? Что не так с госпожой Фан?

Чэн Фэнтай продолжал смеяться:

— Это, вероятно, не девушка.

— Тогда что?

Чэн Фэнтай задумался, как ему объяснить. Шан Сижуй жил в своем мире, где существовал только театр, и он был совершенно не в курсе современных западных новшеств.

— Это... — Чэн Фэнтай нашел выход, жестикулируя:

— Это что-то вроде хуциня, только его держат на плече.

— Какой у него звук?

— Музыка, которую они играли в саду, когда танцевали, — это и был звук скрипки.

Шан Сижуй вспомнил и покачал головой:

— Это нехорошо. Струны слишком тяжелые, звук не такой яркий, он не подходит для голоса.

Он вздохнул:

— Ду Ци зря поехал.

Чэн Фэнтай не понял его профессионального жаргона, но с улыбкой смотрел на него, думая, что этот маленький лицедей — забавный и немного наивный. Шан Сижуй, сидя без дела, начал напевать что-то себе под нос, словно кошка, поющая весной. Чэн Фэнтай прислушался и понял, что он поет оперу — действительно, песня всегда с ним. Он также заметил, что его руки под столом двигались, как будто он изображал сцену из «Опьянения красавицы», когда Ян Юйхуань нюхает цветок. Всего за полвечера Чэн Фэнтай заметил, что Шан Сижуй стал гораздо более раскованным и теперь с удовольствием сидел рядом с ним, напевая.

Чэн Фэнтай взял карту, собираясь сбросить ее, но Шан Сижуй вдруг воскликнул:

— Не сбрасывайте эту!

Чэн Фэнтай удивился:

— А что?

Шан Сижуй сказал:

— Сбросьте вон ту.

Чэн Фэнтай с сомнением посмотрел на него:

— Господин Шан, вы разбираетесь в картах?

— Я посмотрел и понял.

— Просто посмотрел и понял?

Шан Сижуй почувствовал, что Чэн Фэнтай сомневается в его словах, и ему стало неловко. Обычно он не вмешивался в чужие дела, если не был с человеком достаточно близок. Но почему-то с Чэн Фэнтаем, после всего двух встреч, он чувствовал себя так свободно, что даже самому стало стыдно. Шан Сижуй смущенно кивнул, не объясняя и не оправдываясь, лишь мягко улыбнулся. Чэн Фэнтай посмотрел на него и сказал:

— Ладно, послушаю господина Шана.

Затем он сбросил карту, как тот посоветовал, и вскоре выиграл.

— Господин Шан, вы действительно умны.

Шан Сижуй улыбнулся ему.

Чэн Фэнтай сыграл еще несколько партий, накурился сигарет и напился чая, и наконец встал, чтобы выйти. Как только он ушел, Шан Сижуй оставил свои размышления об опере и поспешил за ним. Фань Лянь внимательно следил за ними обоими.

<http://bllate.org/book/15435/1368554>